

Тайна гостиницы «Англетер»

Эдуард Александрович Хлысталов родился в Москве. Родители репрессированы. С 1947 года - слесарь Мосгаза. Служил в армии. Окончил вечернюю среднюю школу, вечерний юридический институт, высшие курсы Академии МВД СССР. С 1963 года - следователь Октябрьского района Москвы, старший следователь Главного управления внутренних дел г. Москвы. Инспектор Политического управления МВА СССР. Полковник милиции. Автор многих публицистических статей, лауреат и дипломант ряда литературных и журналистских конкурсов, член Союза писателей России.

Лет десять назад я получил письмо. Обыкновенный конверт с четырехкопеечной маркой. Я тогда работал старшим следователем на знаменитой Петровке, 38 и расследовал сложные и опасные для общества преступления. На мое имя поступало много писем. Их приносила секретарь, вскрывала, заносила в регистрационную книгу, докладывала моему начальству и только после этого передавала мне.

Я заглянул в конверт, но письма в нем не оказалось. В конверте лежали две фотографии мертвых людей. Сначала я подумал, что секретарь ошиблась: у меня в производстве не было дел об убийствах, но на конверте была указана моя фамилия. Я недоуменно рассматривал фотокарточки и никак не мог понять, какое они имеют отношение к моим уголовным делам, пока не узнал на них... мертвого Есенина. Обе карточки я видел впервые.

На первой фотографии мертвый Есенин лежит на диване или кушетке, обитой дорогим бархатом или шелком. Видимо, его тело только что вынули из петли. Волосы взлохмачены, верхняя губа опухшая, правая рука неестественно в трупном окоченении повисла в воздухе. На ней ясно видны следы глубоких порезов. И сколько я ни всматривался в фотокарточку, признаков наступления смерти от удушения петлей не видел. Не было характерно высунутого изо рта языка, придающего лицу висельника страшное выражение. Да, и удивлял сам факт, что труп положили на диван, ведь у повешенных ослабевают мышцы мочевого пузыря и другие мышцы...

На другой фотографии поэт изображен в гробу. Рядом стоят мать, сестры, жены поэта Софья Толстая. Слева в глубине первая жена Есенина - Зинаида Райх, в истерике уткнувшая лицо на грудь своему мужу В. Э. Мейерхольду. На лбу трупа, чуть выше переносицы, отчетливо видна прижизненная травма. Про такое телесное повреждение судебно-медицинские эксперты заключают, что оно причинено тупым твердым предметом и относится к опасным для жизни и здоровья человека.

Зная, что поэт покончил жизнь самоубийством через повешение, у меня возник вопрос: кто же Есенину причинил такое телесное повреждение? Почему ранее я ни разу не видел на фотографиях подобного ранения?

Предположив, что это дефект при фотографировании, я отложил карточки в сторону. Я ни на минуту не сомневался, что в свое время обстоятельства гибели С.А. Есенина расследовали лучшие следователи, а им помогали известные эксперты и в материалах дела всему дано квалифицированное объяснение. Не могли же не видеть тысячи людей травм на теле трагически погибшего поэта...

И все-таки эти фотографии меня насторожили. Что-то было не так. Захотелось сразу же взяться за изучение материалов о смерти Есенина, но желание быстро угасло. Масса служебных дел, бесчисленные командировки по стране не позволили мне выполнить задуманное. Как я сейчас об этом сожалею... Ведь тогда были живы свидетели драмы, случившейся в «Англетере»...

Некоторое время назад, выйдя в отставку, я случайно вновь увидел эти фотографии. Они в конверте пролежали в ящике стола несколько лет. И чем внимательнее я всматривался в них, тем больше усиливалось подозрение, что в гибели Есенина есть какая-то тайна. Времени у меня появилось предостаточно, и я решил изучить последний месяц жизни поэта.

Первоначально прочитал все воспоминания современников, все публикации в газетах и журналах прошлых лет. Из них я узнал, что 24 декабря 1925 года рано утром Сергей Есенин приехал в Ленинград, устроился в гостинице, все дни был весел,

жизнерадостен, читал свои стихи, встречался с друзьями, но утром 28 декабря 1925 года был обнаружен мертвым в пятом номере «Англетера».

Газеты, как по команде, сообщили, что поэт покончил жизнь – самоубийством, путем повешения. Позже обнаружился листок со стихотворением, якобы написанным кровью, которое стали считать посмертным письмом. Для написания стихотворения кровью Есенин якобы разрезал вены. Всем известно стихотворение В. Маяковского «Сергею Есенину»: «...Ну, а класс, он жажду запивает квасом? Класс, он тоже выпить не дурак... окажись чернила в «Англетере»; вены резать не было б причины... Собственных костей качаете мешок...»

Откровенно говоря, я не представляю, как можно написать стихотворение кровью из разрезанной вены. Кровь в сосудах находится под давлением. Разрезанную вену нужно как-то зажимать. А как макать перо в кровь? Судя по посмертной фотографии, у Есенина на руке была глубокая рана, с разрезом не только вены, но и мышцы. При такой травме должно быть обильное кровотечение. Пока строчку напишешь, кровью изойдешь... И тем не менее такое стихотворение имеется. Оно хранится в Ленинграде, в Пушкинском доме:

*До свиданья, друг мой, до свиданья,
Милый мой, ты у меня в груди.
Предназначенное расставанье
Обещает встречу впереди.*

*До свиданья, друг мой, без руки и без слова,
Не грусти и не печаль бровей,-
В этой жизни умирать не ново,
Но и жить, конечно, не новей.*

Однако я выяснил, что это стихотворение предсмертным считать никак нельзя. Во-первых, данное стихотворение никогда не подвергалось исследованию специалистов и научно не доказано, что оно написано кровью Есенина и его рукой. Во-вторых, оно написано не позже утра 27 декабря. Так, во всяком случае, утверждал поэт В. Эрлих, которому Есенин якобы передал листок с этим стихотворением.

Это свидетельствует о том, что вены Есенин разрезал не для написания предсмертного письма. Проверил по другим источникам. Все правильно. Тогда для чего поэт разрезал вены?

Газеты и ряд современников представили следующую картину самоубийства. Сначала он разрезал вены, намереваясь таким способом покончить с собой, но потом передумал («характера не хватило») и решил повеситься. Что касается травм на лице, то их объясняли прикосновением лица к горячему стояку парового отопления, на который он привязал веревку.

Внимательно изучив всю обстановку в номере гостиницы, понял, что эта версия не выдерживает никакой критики. Судите сами. Поэт разрезает себе глубоко руку и ждет, когда начнется обильное кровотечение. Ждет. Сознание не теряет. Через какое-то время он решает повеситься. Начинает искать веревку. Находит. Отвязывает от чемодана. Затем высоко забирается под потолок (3 метра 80 сантиметров) и начинает ее привязывать к вертикальному стояку. Чтобы дотянуться до верха, поэту необходимо было поставить предмет с точкой опоры около двух метров. (Его рост 168 сантиметров). Причем с обязательным условием, что этот предмет должен стоять рядом со стояком. Таких предметов рядом с местом предполагаемого повешения не имелось.

У любого, даже начинающего криминалиста, возникает вопрос: а мог ли Есенин с перерезанными венами руки и частично мышцей действовать этой рукой? Мог ли при потере крови передвигаться по комнате, подниматься на предметы обстановки: стул, стол, тумбу? Ведь одной рукой привязать веревку под потолком дело непростое!

Где взял поэт веревку для повешения, в официальных документах ответа нет. Поэт А. Жаров написал такие строчки о гибели Есенина:

*Это все-таки немного странно.
Вот попробуй тут, не удивись:
На простом шнуре от чемодана
Кончилась твоя шальная жизнь.*

О повешении на веревке от американского чемодана писал И. Шнейдер («Встречи с Есениным»). Проведенный расчет показывает, что длина такой веревки (шнура) должна быть не менее двух метров. Что-то не верится, чтобы на американском чемодане была веревка... А если и была она (он), могла ли она выдержать тяжесть человеческого тела?

Возникали и другие вопросы. Вережка была привязана к вертикальной трубе центрального отопления. Почему же она под весом тела не съехала вниз? Чем скрупулезнее я изучал материалы о гибели поэта, тем больше усиливалось подозрение в убийстве Есенина. Видимо, не случайно мне, старшему следователю, прислали посмертные фотографии поэта...

Сразу же после гибели С. А. Есенина поэт В. Князев (репрессирован в годы культа личности) написал стихотворение, которое начиналось следующей строфой:

В маленькой мертвецкой у окна -

Золотая голова на плахе:

Полоса на шее не видна -

Только кровь чернеет на рубахе...

Очень точные слова сказал В. Князев о безвременной кончине Сергея Есенина: «Золотая голова на плахе...» Такова горькая правда жизни: в морге на деревянную подставку кладут не только лихие, но и золотые головы. Некоторое время назад на этой же самой плахе лежала простреленная голова известного ленинградского бандита Ленки Пантелеева. Но почему В. Князев не увидел странгуляционной (полосы) борозды? Она на шее повесившегося или повешенного не исчезает, имеет ярко выраженный красно-фиолетовый цвет. Как расценивать слова В. Князева? Может, это поэтический прием или борозда на шее мертвого Есенина отсутствовала? А видел ли Князев труп поэта?

За свою многолетнюю следственную практику мне не раз приходилось встречаться с инсценировками самоубийств. Бывали такие факты, когда преступники (преступник) убивали человека, а чтобы скрыть злодеяние, накидывали на шею петлю и подвешивали, надеясь обмануть работников милиции. Во всех подобных случаях странгуляционная борозда имела более светлый цвет или отсутствовала совсем.

После тщательной проверки ряда архивных документов установил, что В. Князев не только видел в морге обнаженный труп поэта, но и выполнял неприятную обязанность получать там какие-то вещи, принадлежавшие Есенину. Но почему он не заметил на шее «полосы» и обратил на это обстоятельство наше внимание?

Вспоминаю про фотографии, присланные мне в следственное управление несколько лет назад неизвестным лицом. Тщательно рассматриваю через увеличительное стекло. Странгуляционной борозды на шее мертвого поэта не видно. Шея закрыта воротом рубашки. Зато под правой бровью замечаю темное пятно диаметром чуть меньше копеечной монеты, очень напоминающее глубокое проникающее ранение. Опять дефект фотографии? Нет, на других посмертных фотографиях, снятых под другим углом, подобное пятно также имеется.

Отчего же последовала смерть поэта? Почему на его правой руке была разрезана вена? Ведь Есенин, как и большинство людей, писал правой и, вероятнее всего, в минуту высочайшего волнения должен был разрезать левую руку... Еще полагая, что Сергей Есенин в момент самоубийства был пьян (а то, что Есенин был пьяницей и дебоширом, нам твердили десятки лет), я допускал возможную драку с кем-то из собутыльников и получение в ней телесных повреждений. Каково же было мое удивление, когда я узнал, что поэт более месяца вел трезвый образ жизни (исключение составляют 21-23 декабря) и никакой конфликтной ситуации у него непосредственно перед гибелью ни с кем не было!

Предположим, что Есенин покончил жизнь самоубийством, тогда кто ему причинил такие тяжкие травмы? Попробовал свои сомнения высказать ряду писателей, много лет занимающихся изучением жизни и творчества Есенина. В ответ снисходительные улыбки. Все настолько уверены в самоубийстве, что не желают даже выслушать до конца все аргументы. Написал небольшую заметку в газету со своими сомнениями, печатать не стали.

- Ну, кому он был нужен, этот поэт-лирик?!- спрашивали они меня.- Если бы он выступал против властей, партии, друзей, имел бы врагов, тогда можно выдвигать эту чудовищную версию... Есенина всегда окружали друзья, он был добрым человеком, его

любили женщины... Вся трагедия в пьянстве. Пил, запутался в своих любовных романах, революцию не понял, вот с горя и повесился. Влияние общественного мнения на наше сознание необыкновенно велико. Только ты подумал несколько по-иному, чем это принято считать обществом, как на тебя обрушивается пресс информации, утверждение ученых и авторитетов, и ты даешь задний ход. Мне приходилось участвовать в таком эксперименте. Из большой аудитории студентов вызывают пять человек и предлагают удалиться в помещение, из которого не слышно, о чем здесь будут говорить. Затем преподаватель объясняет присутствующим, что он сейчас наглядно покажет, как общественное мнение влияет на личность. Он кладет на стол пять чистых листов бумаги и просит позвать из отобранных пяти студентов четверых, с обязательным условием, чтобы те не слышали происходящего. Четверым участникам эксперимента он предлагает на его вопрос о цвете бумаги отвечать - черного цвета. Затем приглашается пятый студент. Преподаватель спрашивает у первого студента, каков цвет бумаги? Тот отвечает - черный. Затем - второго. Тот, как и было обусловлено, белый лист называет черным. И так до пятого студента. Когда доходит очередь до последнего студента, не знающего всего задуманного, преподаватель спрашивает у него, какого цвета лист бумаги? Тот видел, что четверо его товарищей белые листы бумаги называли черными и также сказал - черный. В аудитории все студенты покатываются от смеха, преподаватель вновь предлагает назвать цвет листа. Студент упрямо белый цвет называет черным...

Возможно, и я продолжал бы верить самоубийству Сергея Есенина, если бы не одно но... В одной книжке о поэте, которая была запрещена в течение нескольких десятков лет, я прочитал, что веревка, на которой якобы повесился Есенин, не имела мертвой петли, а была просто намотана на шее как шарф. Значит, на шее висельника должна быть не одна, а несколько странгуляционных борозд. Где же они?!

Не выяснив истинной причины гибели поэта, я не мог уже дальше спокойно жить и решил, чтобы мне это ни стоило, ознакомиться с материалами уголовного дела по факту его смерти и самым тщательным образом изучить заключение судебно-медицинской экспертизы.

В просторном тихом кабинете, отложив в сторону свежие газеты, меня внимательно выслушал крупный начальник в белой рубашке с накрахмаленным воротничком. Узнав о цели моего визита, он даже оживился.

- А для чего вы занялись этим делом?

- Хочу установить причину гибели поэта. - А разве она не установлена? Уже шестьдесят лет всем все ясно, а вам почему-то не совсем... У вас документы имеются?

Предъявляю удостоверение полковника милиции с печатями и подписями известных должностных лиц. Он не обращает на них никакого внимания.

- Меня это не интересует. Кто поручил вам заниматься делом Есенина?

- Я выступаю как частное лицо.

- Вы более чем кто-либо, должны знать порядок ознакомления с архивными документами постоянного хранения...

- Если все документы являются строго секретными, то разрешите ознакомиться с заключением судебно-медицинского эксперта! Мне нужно заключение о причине смерти! Остальное я восстановлю сам.

Крупный начальник привычно опустил взгляд в столешницу и подвинул свежие газеты. Я так и не узнал: есть или нет в ведомстве этого чиновника дело о трагической гибели великого поэта.

Не удалась мне попытка ознакомиться с архивными документами о Есенине и в других ведомствах. Сами документы о гибели поэта не содержат никакой государственной тайны. Коль скрывают документы, следовательно, хотят скрыть какую-то правду о его жизни и смерти. И я решил провести настоящее расследование этого дела, хотя понимал, что сделать это спустя шестьдесят лет будет нелегко.

Сначала направил запрос в Литературно-мемориальный музей С. А. Есенина в Константиново: проверялась ли официально версия об убийстве поэта? Ответ был предельно прост - этой работой никто не занимался. Выяснил я также и то, что подлинность тех или иных документов о Есенине никто не проверял.

В течение нескольких лет, преодолевая многочисленные бюрократические рогадки, обходя сеть запретительных инструкций и приказов, мне удалось изучить секретные и забытые архивы, держать в руках документы, на папках которых лет пятьдесят назад неведомое должностное лицо карандашом написала магические слова: «Не выдавать», «В архив». И они не выдавались никому. Прочитал рукописи в спецхранах, к которым не прикасалась рука исследователя.

Публичные выступления в газетах и журналах нашли отклик в сердцах людей, которым не безразлична судьба С.А. Есенина. Я получил сотни писем, записок, в которых были добрые советы, доказательства, подтверждающие насильственную смерть поэта. Передачи телевидения позволили найти свидетелей, многое прояснивших в тайне гибели Есенина. Найдены новые документы, неопубликованные произведения поэта, неизвестные фотографии. Вместо лирика-пьяницы стал появляться поэт-гражданин, публицист, философ, великий патриот своей Родины. Ей он посвятил свои лучшие стихи.

Как известно, жизнь и творчество С. А. Есенина пришлось на сложный, исторический период нашей страны: империалистическая война, февральская революция. Октябрьский переворот, неслыханная по своей жестокости гражданская война, произвол властей, красный террор, массовые расстрелы врагов и невинных, полная разруха народного хозяйства, нищета, разграбление музеев, церквей, библиотек, архивов, вывоз за границу золотого запаса и национальных ценностей. Иногда поэт срывался:

Вот так страна!

Какого ж я рожна

Кричал, что я с народом дружен?

Моя поэзия здесь больше не нужна,

Да и, пожалуй, сам я тоже здесь не нужен.

Непрост был и характер поэта. Непрактичный в жизни, легко возбудимый, ненавидящий ложь и лицемерие, помимо огромного числа друзей и поклонников, своей прямоотой он нажил себе явных и тайных врагов, без труда провоцировался на скандалы, оставаясь всегда неправым. Ему писали подметные письма, грозили убийством, неоднократно покушались на его жизнь, тяжело избивали, обворовывали и грабили. Знающий цену своему творчеству, человек ранимый и «незащищенный», он тяжело переживал запреты на публикацию своих стихов, когда в это самое время бездарных поэтов печатали миллионными тиражами.

С. А. Есенин не мог оставаться равнодушным и давал решительный отпор литературным бездарям и авантюристам. Именно в его принципиальных оценках «творений» тогдашних поэтов и кроется главная причина его известных выступлений, прозванных почему-то скандалами. Его открыто травили, плели искусные интриги, распространяли сплетни. Наконец, он публично был объявлен антисемитом, что в то время являлось одним из самых тяжких преступлений.

Находясь за границей, поэт прозрел окончательно. Он понял обман народа коммунистической идеей и истинные намерения вождей большевиков. В Америке он начал писать пьесу в стихах «Страна негодяев», в которой с сарказмом высмеивал дела вождей революции:

Пустая забава, одни разговоры.

Ну что же, ну что же вы взяли взамен?

Пришлите же жулики, те же воры

И законом революции всех взяли в плен.

(ИМЛИ, ф. Есенина).

3 августа 1923 года поэт возвратился в Москву и сразу развил активную общественную деятельность. Он был принят вторым лицом в государстве - Л. Троцким (Бронштейном), который заверил Есенина, что окажет материальную поддержку в создании литературного журнала, но обманул. Если сам Есенин имел незначительные средства к существованию, то его единомышленники Н. Клюев, П. Орешин, С. Клычков, А. Ганин, П. Карпов, А. Ширяевец, И. Приблудный и ряд других влачили нищенское существование. Они стали писать коллективные письма-протесты в ЦК партии, правительство, возмущаться несправедливостью. Санкции последовали незамедлительно.

20 ноября Сергей Есенин, Алексей Ганин, Сергей Клычков и Петр Орешин зашли в столовую на Мясницкой улице (ныне ул. Кирова), сели за отдельный столик и за кружкой пива обсуждали свои издательские дела и предстоящее торжественное заседание в Союзе поэтов. Рядом с их столиком присоседился незнакомец, который вслушивался в разговор друзей. Когда поэты заметили фискала, сделали ему замечание, он выбежал из столовой, позвал двух милиционеров и обвинил друзей в антисемитизме и словесном оскорблении вождей большевиков Л. Троцкого и Л. Каменева (Розенфельда). Против четырех поэтов было возбуждено уголовное дело № 2037 (арх № 535) по статье 59 пункт «А» Уголовного кодекса РСФСР. В стране действовал драконовский декрет о суровой расправе над антисемитами, подписанный В.И. Лениным еще 25 июля 1918 года. На практике декрет применялся к расправе над всяким, кто хотя бы словами осудит руководителей партии, государства или ГПУ, являвшихся в значительной своей части приехавшими из-за границы евреями. Есенин, Клычков, Орешин и Ганин были арестованы.

Одновременно газеты развернули клеветническую кампанию против Есенина, обвиняя его во всех мирских грехах. Буквально ежедневно в газетах и журналах печатались три - пять статей за подписью вымышленных рабкоров, рабочих, требовавших самого сурового приговора поэту. Возглавили травлю Есенина Лев Сосновский (бывший уголовник, один из организаторов убийства царской семьи) и Борис Волин (организатор массовых расстрелов крестьян в Вологодской, Брянской и Орловской губерниях), оба редакторы московских газет и журналов. И хотя совсем недавно Б. Волин написал на Сосновского донос в ЦК партии за его деятельность в Харькове, против Есенина они действовали тандемом.

Несмотря на свидетельские показания М. В. Роткина (для конспирации его фамилия называлась по-разному – «Редкий», «Родкин»), утверждавшего, что поэты между собой неуважительно отзывались о вождях революции и руководителях Союза поэтов, называли их жидами, и милиционера И. Ф. Абрамовича, заявлявшего, что арестованные в камере запели песню «Вышли мы все из народа...», насмешливо делавшие ударение на звуке «р», через несколько суток были освобождены. Дело было передано в товарищеский суд Союза писателей. Обвинителем был Л. Сосновский. Однако суд осудил не только четырех поэтов, но и самого Сосновского, обвинив его в клеветнической кампании против Есенина.

Но газеты продолжали травлю Есенина. Ежедневно печатались статьи, заметки, фельетоны, авторы которых требовали отмены решения товарищеского суда и строгого наказания антисемита. Поэту был объявлен бойкот, его не принимали в редакциях и издательствах. У народа начали формировать мнение, что Есенин - хулиган, пьяница, подкулачник. Л. Сосновский написал об антисемитской выходке Есенина и в Америке, правда, источник этой информации он не указал. Нервы поэта были на пределе. Чтобы скрыться от всего этого шабаша, он вынужден был лечь в стационар профилактория имени Шумской (ул. Полянка, д. 52). В это время он с горечью писал:

*Защити меня, влага нежная,
Май мой синий, июнь голубой.
Одолели нас люди заезжие,
А своих не пускают домой.*

*Знаю, если не в далях чугунных,
Кров чуждой и сума на плечах,
Только жаль тех дурашливых юных,
Что сгубили себя сгоряча.*

*Жаль, что кто-то нас смог рассеять
И ничья не понятна вина.
Ты Расея, моя Расея,
Азиатская сторона.*

(ЦГАЛИ, ф. 190, оп. 1, ед. хр. 122)

(Стихотворение ранее не публиковалось. Последние две строки Есенин использовал в стихотворении «Снова пьют здесь, дерутся и плачут»).

Со свойственной ему прямоотой Есенин дает оценку руководителям Союза писателей и дельцам, захватившим средства массовой пропаганды. Более шестидесяти лет скрывается от читателей его неопубликованная статья «Россияне», которую я впервые напечатал в журнале <Москва> № 8 за 1990 год:

«Не было омерзительнее и паскуднее времени в литературной жизни, чем время, в которое мы живем,- писал поэт в конце 1923 года. Тяжелое за эти годы состояние государства в международной схватке за свою независимость случайными обстоятельствами выдвинуло на арену литературы революционных фельдфебелей, которые имеют заслуги перед пролетариатом, но ничуть перед искусством. Выработав себе точку зрения общего фронта, где всякий туман может казаться для близоруких глаз за опасное войско, эти типы развили и укрепили в литературе пришибевские нравы... Давно стало явным фактом, как бы не хвалил и не рекомендовал Троцкий разных Безымянских, что пролетарскому искусству грош цена...»

Против Есенина начинаются провокации. Начиная с декабря 1923 года, его систематически задерживают работники милиции. Через короткие интервалы против него возбуждаются пять уголовных дел и направляются в Краснопресненский народный суд. С Есениным решают разделаться «законным» путем.

Изучая впервые материалы на поэта тех лет, я обнаружил любопытную и одновременно грустную закономерность. «Пострадавшие» от Есенина люди приходили в ближайшее отделение милиции и требовали привлечь его к уголовной ответственности, называя статьи уголовного кодекса. И еще одна закономерность: во всех случаях задержания Есенин находился в состоянии опьянения. Как правило, инцидент начинался с пустяка. Затем появлялся милиционер, который почему-то из всех присутствующих хватал поэта. Тот, естественно, пытался вырваться. На помощь стражу порядка приходили оказавшиеся поблизости дворники, скручивали ему руки, связывали и силой тащили в отделение милиции. Все это делалось в крайне оскорбительной для Есенина форме. Потом в деле появлялись рапорты об угрозах со стороны поэта, об оскорблении им рабоче-крестьянской милиции, призывах к погромным действиям и тому подобное. Во всех случаях на стороне Есенина были свидетели, но их не только не привлекали к делу, но даже и не допрашивали.

Пять таких уголовных дел были направлены в Краснопресненский районный суд. Есенин по повесткам не являлся. 20 февраля судья Комиссаров постановил арестовать Есенина. Чекисты бросились ловить поэта, но он пропал.

Из воспоминаний современников мы знаем, что поэт весной 1924 года с травмой руки попал в Шереметьевскую больницу (теперь Институт имени Склифосовского). Отдельные авторы утверждали, что Есенин покушался на самоубийство, порезав себе вены. Известно было, что рана оказалась серьезной, после больницы он несколько месяцев носил на руке повязку.

Что же произошло с Есениным? Тогда для установления истины не требовалось больших усилий. Нужно было своевременно посмотреть историю болезни. Но никто этого не сделал.

Спустя десятки лет я решил найти архивные документы этой больницы. И сколько меня ни уговаривали работники архива Института имени Склифосовского отказаться от этой затеи (срок хранения документов 25 лет), я настоял. Через несколько дней поисков среди миллиона документов мы обнаружили книгу регистрации больных за 1924 год. На наше счастье сохранились записи госпитализации Есенина. Теперь мы знаем точную дату госпитализации поэта - 13 февраля. По латыни записан и диагноз. По-русски он означает: рваная рана левого предплечья. Характер травмы напоминает ранение колющим предметом. Так удалось опровергнуть гнусную ложь, сочиненную «друзьями» поэта, о покушении Есенина на самоубийство еще в 1924 году.

С трепетом я поднялся по широкой парадной лестнице на второй этаж. Мне показали бывшую палату, где лечился великий поэт. Высокий сводчатый потолок. Где-то здесь стояла железная кровать, на которой под казенным одеялом лежал Есенин. Подокнами бурлил знаменитый Сухаревский рынок. Здесь его губы впервые зашептали слова: «Ты жива еще моя старушка...» - Здесь он написал стихотворение «Годы молодые с забубенной славою...». Можно представить, сколько тайных слез скрыл от посторонних

глаз поэт. Его стихи переводят на многие языки мира, а у себя на родине он изгой. Его преследуют, избивают, стихи не печатают. И ложатся на бумагу горькие строки:

Я не знаю, мой конец близок ли, далек ли?

Были синие глаза, а теперь поблекли...

В далеком 24-м году по этой же лестнице поднялись хмурые люди в кожаных тужурках, чтобы арестовать поэта. Но лечащий врач отказался выдать им тяжелораненого Есенина, заявив, что тот в критическом состоянии и не может ходить. Чекисты взяли от врача обязательство сохранить в секрете сообщение об аресте поэта и информировать их о дне его выписки.

Однако врач выдал тайну Есенину и его подруге Галине Бениславской, хотя сам рисковал жизнью. Друзья сделали все, чтобы спасти Есенина. Стараясь не подвести врача, они перевели поэта для дальнейшего лечения в Кремлевскую больницу, откуда его быстро выписали, и он перешел на нелегальное положение.

У Есенина не было даже комнаты в коммунальной квартире. Бесприютность тяготила его. Последнее время с ним жили две младшие сестры - приходилось искать приют и им. Его вещи, рукописи, документы находились у случайных лиц. Часто днем он не знал, где сегодня будет ночевать.

- Пойду к Каменеву, попрошу себе жилье. Что такое - хожу как бездомный! - жаловался он друзьям.

Отсутствие у поэта собственной комнаты объяснялось не только острым дефицитом жилья в Москве. Слетающиеся со всех сторон в столицу малоизвестные литераторы и деятели искусств получали роскошные квартиры, меняли их по нескольку раз. За Есенина хлопотали влиятельные приятели, казалось, вот-вот ему выделят комнату, но каждый раз вопрос застопоривался.

Уже после гибели поэта его подруга Бениславская писала: «Плакать надо - ведь С. А. так и умер бездомным, а я и Аня Назарова знаем двух человек, которые, не будучи рабочими или ответственными работниками, в ту самую осень и в этом самом районе получили себе помещение (Марцелл Рабинович получил две комнаты, будучи одиноким)». Очень чуткий ко всякой несправедливости, порывистый как в увлечении, так и в разочаровании, он и здесь быстро пришел к крайности. Раз обижают, обманывают значит, надо бороться и защищаться.

Значит по этой версии

Подлость подчас не прок.

Ну, конечно, в собачьем стане

С философией жадных собак

Защищать себя лишь станет

Тот, кто на век дурак...

...Старая гнусавая шарманка,

Это мир идейных сил и слов,

Для глупцов - хорошая приманка,

Подлецам - порядочный улов.

(ЦГАЛИ, ф. 190)

Изучив жизнь Есенина после возвращения из-за границы буквально по дням, я не перестаю удивляться его способностям писать стихи в самых неподходящих для этого местах. Внутренняя тюрьма Лубянка, приемный покой Московского уголовного розыска, камера предварительного заключения в ряде отделений милиции, две больницы, непрерывные переезды с места на место. Он предпринимает попытку вырваться за границу, но чекисты остроумными комбинациями пресекают его замысел. К нему прилипает в Ленинграде молодой поэт Вольф Эрлих, как сейчас установлено - тайный агент ГПУ.

Биографы утверждают, что Есенин стремился в Среднюю Азию и на Кавказ, чтобы там по первоисточникам изучить древнюю восточную поэзию и философию. В какой-то степени с таким утверждением можно согласиться. Главная же причина поездок на Кавказ в 1924-1925 годах заключалась в том, что поэту приходилось скрываться от судебных преследований.

В начале сентября 1924 года Есенин неожиданно для всех, даже для близких, уезжает в Баку. Примерно 6 сентября поселяется в гостинице «Новая Европа». Здесь он случайно встретился с известным международным террористом, членом коллегии ВЧК и ГПУ Яковом Блюмкиным, жившим там под фамилией Ильин. С ним Есенин был знаком еще в начале 20-х годов, и тот неоднократно похвалялся своими кровавыми делами в подвалах Лубянки. Блюмкин в провокационных целях застрелил немецкого посла Мирбаха, не скрываясь, широко жил в огромной квартире на Арбате. В Баку располагался его штаб по проведению секретных акций ГПУ в странах Ближнего Востока. Здесь Блюмкин поднял пистолет на Сергея Есенина. Это было наиболее реальное покушение на жизнь поэта. Его еле успокоили. Есенин знал, что Блюмкину сходят с рук любые преступления, поэтому, бросив вещи, он сбежал в Тифлис.

Поэт Н. Тихонов, случайно встретивший Есенина в Тифлисе, позже вспоминал, как они бежали по городу, чтобы освободиться от слежки. И когда казалось, что это им удалось, Есенин вновь узнавал человека, постоянно следившего за ним. Н. Тихонов не знал всех сложностей в жизни поэта и поэтому отнес все его подозрения к чудачеству.

Но Есенин никогда не был трусом. Через десять дней он возвращается в Баку. На этот раз он готов за себя постоять. Друзья из Тифлиса вооружили его пистолетом. Поединок с Блюмкиным почему-то не состоялся. (Только тщательное изучение деятельности Блюмкина позволит выяснить его роль в смерти поэта).

Анализ многочисленных документов показывает, что Есенин на Кавказ уехал не случайно. После его отъезда, 11 ноября, чекисты арестовали четырнадцать литераторов, художников и врачей, обвинив их в создании подпольной антиправительственной организации «Ордена русских фашистов». Почти все они были друзьями Есенина. Вот их имена: талантливые художники братья Петр и Николай Чекрыгины, литераторы - Виктор Дворянский, Владимир Галанов, Григорий Никитин, Александр Кудрявцев, Алексей Александров-Потерехин, Михаил Кротков, Борис Глубоковский, Иван Колобов, врач Тимофей Сахно, поэт Алексей Ганин и профессор офтальмолог Сергей Селиванович Головин. (Фамилия одного арестованного мне неизвестна, возможно, он агент ГПУ, согласившийся давать чекистам нужные показания против своих товарищей).

Их обвиняли в том, что с августа 1924 года они соорганизовались и ставили своей целью путем террора и диверсий свергнуть советскую власть. Арестованные действительно были в дружественных отношениях, нередко собирались, в разговорах нередко возмущались действиями вождей большевиков, но никаких конкретных действий не совершили. Обыкновенная товарищеская компания творческих людей была представлена ГПУ как политическая организация.

Однажды в кафе «Домино» сидели Алексей Ганин, Есенин, Иван Приблудный и еще кто-то из общих знакомых. Ганин на салфетке стал писать в шутку членов будущего правительства, считая, что большевики долго не продержатся. Министром просвещения он записал Есенина. Есенин побледнел, потребовал зачеркнуть его фамилию, говоря, что такими шутками не время заниматься. Ганин тут же заменил фамилию Есенина на восемнадцатилетнего Ивана Приблудного. Видимо, кто-то из присутствующих за столом донес об этом случае в ГПУ.

Из воспоминаний современников известно, что свои стихи Ганин приспособился печатать сам. Он достал шрифт, набирал листы, сброшюровывал в книжку. Этот шрифт был использован как дополнительное доказательство преступной деятельности, а сам Ганин был назван руководителем организации. Нет ни малейшего сомнения, что «Орден русских фашистов» - плод болезненной фантазии чекистов и инспирирован по сценарию Дзержинского, Менжинского, Блюмкина, Лациса, Петерса, Агранова, Ягоды (Иегуды) и других руководителей ГПУ. Алексей Ганин, по характеру не способный организовать дружеской пирушки, обвинялся как руководитель партии.

В процессе расследования «дела» двое арестованных потеряли рассудок. Алексею Ганину даже провели судебно-психиатрическую экспертизу, признавшую его невменяемым, т. е. не отвечающим в уголовном порядке ни за какое преступление. И тем не менее А. Ганин, братья Чекрыгины, В. Дворянский и В. Галанов были расстреляны. Троице подсудимым - Б. Глубоковскому, А. Александрову-Потерехину и И. Колобову - чекисты определили по 10 лет лишения свободы на Соловках, 58-летний профессор С.

Головин вскоре оказался на свободе. Кто спас его от чекистской пули, возможно, мы не узнаем никогда. Судьба остальных арестованных по этому делу неизвестна.

Не попали в этот «союз злодеев» И. Приблудный, Н. Клюев, П. Орешин, С. Клычков и другие крестьянские поэты только потому, что их, как и Есенина, не оказалось в Москве. Кто подсказал Есенину срочно уехать в Баку, пока остается тайной.

«Дело» Ганина и других чекисты вели неоправданно долго. Но и Есенин не возвращался с Кавказа. 1 марта 1925 года он неожиданно появился в столице. У него скопилось много издательских дел, однако «27 марта Сергей укатил в Баку», - написала Г. Бениславская В. Эрлиху. Почему опять на Кавказ и так срочно?

Теперь многое становится понятным. 27 марта в ГПУ состоялось тайное слушание «дела» его друзей из «Ордена русских фашистов», и Есенин, видимо, каким-то образом об этом узнал и, опасаясь привлечения к этому «делу», срочно уехал в Баку.

Г. Бениславская так описывала состояние поэта в последние годы жизни:

«...Он неоднократно говорил: поймите, в моем доме не я хозяин, в мой дом я должен стучаться, и мне не открывают. И сознание, что для этого он должен стучаться в окошко, чтобы его впустили в собственный дом, приводило его в бешенство и в отчаяние, вызывало в нем боль и злобу. В такие минуты он всегда начинал твердить одно: это им не простится, за это им отомстят. Пусть я буду жертвой, я должен быть жертвой за всех, за всех, кого не пускают. Не пускают, не хотят, ну так посмотрим. За меня все обозлятся. А мы все злые, вы не знаете, как мы злы, если нас обижают. Не трожь, а то плохо будет. Буду кричать, буду, везде буду. Посадят - пусть сажают - еще хуже будет. Мы всегда ждем и терпим долго...»

(ЦГАЛИ, ф. 190. Эти воспоминания никогда не публиковались и исследователям не выдавались). Однако, несмотря на преследования, недоброжелательность критики и издателей, произведения С. А. Есенина замолчать было невозможно. Народ жадно ловил каждое слово поэта, его стихи переписывались в тетради, на них сочинялись песни. Все чаще и чаще газеты и журналы в целях саморекламы вынуждены публиковать его стихи. В Госиздате принимается решение издать собрание его произведений с одним из самых высоких гонораров. По договору Есенин получал в течение 20 месяцев по тысяче рублей ежемесячно, что позволяло ему не думать о том, чем он будет кормить своих сестер, чем помогать родителям. Казалось, материальные трудности позади...

6 сентября 1925 года Сергей Есенин вместе с Софьей Толстой возвращался в поезде из Баку в Москву. Они ехали в отдельном купе. В районе города Серпухова у него произошел конфликт с дипломатическим курьером Адольфом Рогой. Есенин хотел пройти в вагон-ресторан. Охранник ГПУ его не пускал. Из своего купе вышел Рого и сделал поэту замечание. Есенин вспылал, в грубой форме ответил. И возможно, конфликт на этом и закончился, не ввяжись в него некий Ю. В. Левит, искавший всю дорогу предлог прочитать поэту нотацию о правилах поведения в вагоне для высшего комсостава. Есенин повернулся к Левиту и двумя словами оскорбил его национальность.

При выходе из поезда на Курском вокзале поэт и его спутница были задержаны. На поэта составили протокол. Работники транспортной милиции, видимо, не знали о наличии определения на арест Есенина и не спешили заводить новое дело. Тем более что сам конфликт не содержал состава преступления. В крайнем случае разговор мог идти о мелком хулиганстве. Но по требованию Рого и Левита Наркомат иностранных дел обратился к прокурору. Дело сразу же приобрело серьезный оборот. Начались допросы, предстоял суд. Есенин стал пить ежедневно. Жизнь превратилась в кошмар. Он ночевал у знакомых, уезжал из Москвы, возвращался обратно. В гневе сбросил с балкона четвертого этажа и разбил вдребезги свой гипсовый бюст работы скульптора Коненкова. 16 сентября он зарегистрировал брак с Софьей Толстой.

«...В сентябре 1925 года,- вспоминала Анна Романовна Изряднова о Есенине,- пришел с большим белым свертком в 8 часов утра. Не здороваясь, обращается с вопросом: «У тебя есть печь?» Спрашиваю: «Печь, что ли, что хочешь?» - «Нет. Надо сжечь». Стала уговаривать его, чтобы не жег, жалеть будет после, потому что и раньше бывали случаи, придет, порвет свои карточки, рукописи, потом ругает меня - зачем давала. В этот раз никакие уговоры не действовали, волнуется, говорит: «Неужели даже ты не сделаешь для меня то, что я хочу?» Повела его в кухню, затопила плиту, и - вот он в своем сером

костюме, в шляпе, с кочергой в руках стоит около плиты и тщательно охраняет, как бы не осталось несожженного. Когда все сжег, успокоился, стал пить чай и мирно разговаривать.

На мой вопрос - почему рано пришел - говорит, что встал давно, уж много работал...»

- Напиши обо мне некролог!- попросил он однажды своего приятеля поэта Ивана Грузинова.

- Зачем?

- Я скроюсь. Преданные люди купят гроб, устроят мне похороны... В газетах и журналах появятся статьи...

Все понимали, что заключение Есенина в концлагерь не лучшее средство. Чего только не придумывали друзья и близкие поэта, чтобы оттянуть судебное заседание. В ход следствия вмешивался нарком просвещения А.В. Луначарский, подчеркивая, что антисоветские круги и эмиграция суд над Есениным используют в своих политических целях. Но судья Липкий был неумолим. Можно не сомневаться, что за ним стояли более могущественные силы.

Решили использовать последнее средство - положить Есенина в психиатрическую больницу, мол, "психов не судят". Софья Толстая договорилась с профессором П. Б. Ганнушкиным о госпитализации поэта в платную клинику Московского университета. Профессор обещал предоставить ему отдельную палату, где Есенин мог заниматься литературной работой. Оставалось только уговорить поэта. Он категорически возражал. Пребывание в сумасшедшем доме было выше его сил.

В это время Есенин еще рассчитывал на поддержку высоких покровителей. Но работники дорожно-транспортного отдела ГПУ направляли грозные повестки с требованием явиться на допрос, ежедневно квартиру Толстой посещал участковый надзиратель (ГЛМ, ф. 4, оп. 1).

Поздно вечером 26 ноября в квартире доктора П. М. Зиновьева раздался телефонный звонок. В трубке он узнал голос жены поэта Софьи Андреевны:

- Петр Михайлович, покорнейше прошу помочь... Сергей Александрович согласился на госпитализацию... Умоляю все оформить сегодня, завтра он может передумать...

Врач П. М. Зиновьев срочно выехал в клинику. Через час за Есениным защелкнулись замки массивных дверей психиатрической клиники.

В стороне от грохочущих магистралей, недалеко от Пироговской улицы, до наших дней чудом сохранился тенистый парк, когда-то огороженный трехметровой глухой кирпичной стеной. Город наступает на парк: часть его уже вырублена и отдана под огромное здание глазного института. С одной стороны к парку примыкает Музей-усадьба Л.Н. Толстого, с другой - широкое двухэтажное здание, построенное в конце 19-го века на средства благотворителей в стиле классической русской архитектуры. В этом прекрасном здании, где все продумано от вешалки до великолепного актового зала, и разместилась психиатрическая клиника.

Выйти больному из нее без разрешения медицинского персонала нельзя. Есенину нужно было пройти две двери, постоянно закрытые на замок, и проходную, которые круглосуточно наблюдались санитарями. Согласно договору, поэт должен находиться в клинике два месяца.

На следующий день он пишет письмо Петру Ивановичу Чагину (Болдовкину):

«Дорогой Петр! Пишу тебе из больницы. Опять лег. Зачем - не знаю, но, вероятно, и никто не знает.

Видишь ли, нужно лечить нервы, а здесь фельдфебель на фельдфебеле. Их теория в том, что стены лечат лучше всего безо всяких лекарств... Все это нужно мне, может быть, только для того, чтобы избавиться кой от каких скандалов. Избавлюсь, улажу, пошлю всех к ... и, вероятно, махну за границу... У Кары лечиться - себя злить и еще пуще надрывать. Вот почему мы, вероятно, с тобой в декабре увидимся снова где-нибудь за пирушкой...»

П. И. Чагин в это время жил в Баку. Являлся секретарем ЦК компартии Азербайджана и главным редактором газеты «Бакинский рабочий». Упоминание в письме Есениным о встрече с ним в декабре свидетельствует о том, что поэт больше месяца

находиться в клинике не рассчитывал, намеревался уехать на Кавказ, где не раз скрывался от судебного преследования. Не скрывал Есенин и своего намерения уехать за границу.

Сотрудники ГПУ и милиции сбились с ног, разыскивая поэта. О его госпитализации в клинику знали всего несколько человек, но осведомители нашлись. 28 ноября чекисты примчались к директору клиники профессору П. Б. Ганнушкину и потребовали выдачи Есенина. П. Б. Ганнушкин не выдал на расправу своего земляка. Вместо поэта чекисты получили справку следующего содержания:

«Больной С. А. Есенин находится на излечении в психиатрической клинике с 26 ноября с/г по настоящее время, по состоянию своего здоровья не может быть допрошен в суде» (ГЛМ, 397/8).

Почувствовав себя в безопасности, поэт начал активно работать. Строгий режим, забота врачей, регулярное питание благоприятно сказались на его здоровье. Посещавшие Есенина в клинике друзья и знакомые отмечали отличный внешний вид поэта, остроумие и высокий душевный настрой.

С первого дня Есенина полюбили все сотрудники клиники. Известный по газетам пьяница, антисемит, хулиган и коварный соблазнитель женских сердец на самом деле оказался совсем другим: скромным, по-детски застенчивым, доброжелательным и постоянно улыбчивым. Никакого высокомерия, самолюбования на самом деле не было.

Ныне здравствующая дочь доктора Зиновьева, жена поэта Ивана Приблудного, Милонова Наталья Петровна, рассказывала мне о том периоде. У них в семье не было принято интересоваться работой отца. Но Есенин хорошо ее знал и часто через отца передавал ей приветы, поэтому она спрашивала о его состоянии здоровья. П. М. Зиновьев ей говорил, что поэт ничем не болен, просто отдыхает и ничем его в клинике не лечат.

В клинике Есенин написал пятнадцать стихотворений. Особое место среди них занимает «Клен ты мой опавший...». Какие проникновенные слова, сколько в них неподдельной грусти...

*Клен ты мой опавший, клен заледенелый,
Что стоишь, нагнувшись под метелью белой?
Или что увидел? Или что услышал?
Словно за деревню погулять ты вышел...*

В автографе стихотворения поэт поставил дату своего сочинения - 28 ноября. Именно в этот день приходили в клинику чекисты... Возможно, Есенин в этот день только записал стихотворение, а сочинил его раньше? У него была такая практика. В этом стихотворении ни строчки о городском пейзаже, все о зимней деревне...

Но это только кажется. Сергей Александрович последние несколько лет не был в деревне зимой, и потом слово «словно» не утверждает деревенского пейзажа. С. Толстая вспоминала, что поэт намеревался написать цикл стихотворений о русской зиме. «Клен» - одно из них. Если это стихотворение написано в клинике, то должен быть клен, вдохновивший его на эти великолепнейшие строки.

Решаю проверить свою догадку. Направляю запрос в Гидрометцентр СССР с просьбой сообщить погоду в центре Москвы 26-28 ноября 1925 года. Вот ответ:

«Сообщаю сведения о погоде в г. Москве по данным метеостанции ТСХА (обсерватория Михельсона): высота снежного покрова неизвестна, но снег лежал. 28 ноября снега выпало 9.4 миллиметра, ветер юго-западный, 8 метров в секунду, температура один градус мороза, дула низовая метель».

Я уже не сомневался, что у клиники должен быть клен, который 28 ноября «утонул в сугробе, приморозил ногу». Нашел клинику. Перед парадным входом шеренгой выстроились стройные красавцы клены. Им лет по тридцать - сорок. Нет, этих тогда еще не было на свете. Столетнего клена не вижу.

Захожу в клинику. Мне, юристу-криминалисту, было сделано исключение: в белом халате врача разрешили осмотреть мужское отделение. С трепетом поднялся на второй этаж. Вот здесь должна быть небольшая комната, в которой лежал Есенин. Из широченного окна в коридоре я увидел столетний клен.

Сомнений не было. Это он, скромно отступивший с тропы в больничном парке. Он ровесник Есенина.

В ту зябкую и нелегкую пору упал на него взгляд поэта. Набросив на плечи меховое пальто, униженный и оскорбленный, национальный поэт России печально смотрел на облетевшие деревья. На улице холодно, ветрено, за двойными рамами гудит метель. Несколько золотых листьев крепко держатся за родные ветки. Ледяной ветер пытается их сорвать. У Есенина перехватывает дыхание, он не может сдержать слез... Губы зашептали слова.

Однако постоянное пребывание под надзором и замком стало тяготить поэта. Особенно он переживал, что его палата располагалась рядом со входом в отделение и все посетители разглядывали известного «психбольного». Судья Липкин постоянно интересовался о сроках выписки его из клиники. Не оставляла его в покое и бывшая жена З. Н. Райх, требуя от него денег на содержание дочери Татьяны, грозя в противном случае новым судом и арестом гонорара в Госиздате.

4 декабря покончила самоубийством девушка. Есенин стал опасаться за свою жизнь. 7 декабря через родных он дает телеграмму в Ленинград Вольфу Эрлиху, чтобы тот подыскал ему две-три комнаты, обещая приехать туда для постоянного жительства в двадцатых числах декабря. Через сестру Екатерину он направил записку редактору собрания сочинений И. Евдокимову:

«Милый Евдокимыч! Привет тебе и тысячу пожеланий за все твои благодеяния ко мне. Дорогой мой! Так как жизнь моя немного перестроилась, то я прошу тебя, пожалуйста, больше никому денег моих не выдавать, ни Илье, ни Соне, кроме моей сестры Екатерины. Было бы очень хорошо, если б ты устроил эту тысячу между 7-10 дек., как говорил...»

Из этих документов мы можем утверждать, что Есенин решил покинуть клинику, не дожидаясь окончания срока обусловленного лечения. Почему он изменил свое намерение поехать на гостеприимный для него Кавказ и решил обосноваться в Ленинграде, где его никто не ждал? И потом, Ленинград рядом от Москвы, чтобы там скрываться от судебного преследования... Скорее всего, поэт изменил свои планы с чьей-то подсказки. С чьей?

Изучая архивные документы клиники, я обратил внимание на госпитализацию больного Яковлева Аркадия Викторовича, 28 лет, врача из Ростова-на-Дону (фамилия изменена). Мне показалось странным, что его положили бесплатно в психиатрическую клинику. Не выполнял ли Яковлев злого задания? Он был госпитализирован через два дня после отказа профессора Ганнушкина выдать чекистам Есенина. Из истории болезни Яковлева видно, что он настраивал больных против медперсонала. Это можно рассматривать, как завоевание авторитета у больных.

Я попытался разыскать следы Яковлева. Из милиции Ростова-на-Дону мне дали справку, что Яковлева в этом городе никогда не было. В Харьковском университете студента Яковлева также не было. Интересно и другое. Яковлева долго не держат в психиатрической клинике и не выписывают. Его переводят в терапевтическое отделение. Переводят 21 декабря. Именно в этот день самовольно покидает клинику и Есенин. Еще раз повторяю: без посторонней помощи поэт покинуть клинику не смог бы.

Изменил я фамилию этого человека, чтобы не обидеть его память подозрением. Пройдет время, наступит пора открытия секретных архивов, и мы узнаем имена тех, кто провоцировал Есенина.

21-23 декабря поэта видели в «Доме Герцена» в нетрезвом виде. Вечером 23 декабря он приехал на двух извозчиках к дому в Померанцевом переулке. Зашел в квартиру Софьи Толстой, стал молча собирать свои вещи. Находившемуся в квартире мужу сестры Екатерины, поэту Наседкину, Есенин передал чек на получение в издательстве 750 рублей и попросил деньги завтра же переслать ему в Ленинград на адрес В. Эрлиха. О том, что он уезжает в Ленинград, он сообщил только нескольким близким ему лицам.

В семь часов вечера поэт с двоюродным братом Ильей торопливо загрузил вещи в сани. Софья Толстая и сестра Шура выбежали на балкон, был тихий вечер. Легкими хлопьями падал снег. Есенин сел на вторые санки. Снег быстро запорошил шапку и роскошное меховое пальто поэта:

- Прощай, Сергей!- почему-то крикнула четырнадцатилетняя сестра Шура.

Сергей Александрович поднял голову, улыбнулся своей простой, застенчивой улыбкой и помахал рукой. Санки поехали. До гибели поэта оставалось несколько дней.

На вокзале он случайно встретился с давним приятелем Александром Сахаровым, который также ехал в Ленинград. Однако от разговора с ним уклонился, заподозрив в шпионстве за собой.

Ряд современников отмечали повышенную подозрительность Есенина в последние годы жизни. Например, А. Воронский после гибели поэта напишет:

«Несомненно, он болел манией преследования. Он боялся одиночества. И еще передают - и это проверено, - что в гостинице «Англетер», перед своей смертью, он боялся оставаться один в номере. По вечерам и ночью, прежде чем зайти в номер, он подолгу оставался и одиноко сидел в вестибюле».

С подобными утверждениями согласиться нельзя. До возвращения из-за границы на родину он не страдал «манией преследования». Все преследования, угрозы убийством, избиения начались после известного «дела 4-х поэтов». Он не боялся встречаться с уголовниками, смело ходил в воровские «малины» и ночлежки. Не боялся он угроз врагов советской власти и за границей. Последние два года Есенин был действительно излишне подозрителен, но сами же современники убеждались, что за ним следили и не раз грозили убийством. Георгий Устинов вспоминал, что комендант гостиницы К. распорядился немедленно уволить дежурного охраны «за нарушение устава» - за то, собственно, что не застрелил Есенина...»

...Утром 24 декабря Есенин приехал в Ленинград. На вокзале он нанял извозчика и с вещами приехал к Вольфу Эрлиху. Тот жил в квартире с соседями по адресу: улица Некрасова, дом 29, квартира 8. Дома Эрлиха не оказалось. Есенин оставил свои вещи и записку: «Вова! Я поехал в ресторан Михайлова, что ли, или Федорова. Жду тебя там. Сергей. Вова! Захвати вещи ко мне в гостиницу. С. Есенин 24.12.25 г.»

По ходатайству приятеля Георгия Устинова, проживавшего в гостинице «Интернационал» (бывшая «Англетер») со своей женой Елизаветой, Есенина прописали в номере пять на втором этаже. Комната была обставлена дорогой мебелью и относилась к высокому разряду.

Эта гостиница предназначалась для ответственных лиц - чекистов, военных и партийных работников. Человек со стороны в нее поселиться не мог. В один миг в номере Есенина собрались друзья, знакомые, просто почитатели. По случаю приезда поэт поставил на стол две полбутылки шампанского. Приехал Эрлих с вещами. Устинов позвал супругов Колобовых. Сам Есенин был радостным и возбужденным, читал новые стихи, рассказывал о своих планах. Здесь он намеревался жить постоянно и издавать литературный журнал. Конфиденциально рассказал Устиновым о разрыве со своей женой С. Толстой.

По просьбе Есенина у него в номере оставался ночевать Эрлих. Утром они поехали к поэту Николаю Клюеву. Привезли его в гостиницу. Опять в номере Есенина собрались Устиновы, Колобовы. Приходили художник Мансуров, журналист Ушаков, писатель Измайлов. Вечером ненадолго заходил поэт Иван Приблудный, учившийся там в институте. Пили чай, шутили, разговаривали. Есенин читал стихи. Никакой конфликтной ситуации не было.

Свое пребывание в Ленинграде поэт не афишировал. Многие из его знакомых и даже старых приятелей не знали о нахождении его в Ленинграде. Субботу он провел примерно так же: те же лица, - те же разговоры, чтение новых стихов. Елизавета Устинова вспомнила, что поэт ходил к портье и приказал ему никого к нему не пускать: он кого-то опасался из Москвы.

Василий Наседкин прислал ему 640 рублей (110 рублей, видимо, оставили себе сестры). Эрлиху, с его слов, деньги не выдали. Ходил на почту и сам Есенин, но и ему деньги не удалось получить.

В воскресенье, 27 декабря, утром Есенин готовился принять ванну. Сторож растопил дровяную колонку. По утверждению Е. Устиновой и В. Эрлиха, поэт передал последнему листок бумаги. Когда Устинова попросила разрешения его прочитать, Есенин в шуточной форме не позволил. По утверждению Эрлиха, на этом листке было кровью написано стихотворение «До свиданья, друг мой, до свиданья...» В обед у него собрались

Устиновы, Ушаков, Измайлов, Эрлих. По случаю Рождества был приготовлен гусь. Обедали, пили чай. Спиртных напитков на столе не было. (Спиртные напитки по случаю праздника не продавались). Дворник дядя Вася по просьбе Есенина на всю компанию достал пять или шесть бутылок пива. Днем Эрлих уходил. Как он позже объяснил, заверить доверенность от имени Есенина на получение денег на почте.

К шести вечера в номере остались втроем: Есенин, Ушаков и Эрлих. По свидетельству Эрлиха, в восемь вечера он ушел домой и не оставался ночевать только потому, что утром должен был пойти на прием к врачу и получить деньги для Есенина. В номере оставались Есенин и Ушаков. Дойдя до Невского проспекта, Эрлих якобы вспомнил, что забыл портфель, где находилась доверенность. Он возвратился обратно в гостиницу и прошел в номер к Есенину. Ушакова уже не было. Есенин сидел за письменным столом спокойный. Накинув на плечи меховое пальто, он просматривал свои рукописи. (Это обстоятельство очень важно. Незнакомому человеку Есенин бы дверь в номер не открыл!)

Из газет известно, что поэт около десяти часов вечера спускался к портье и просил к себе никого не пускать. Вот и все, что было известно о последних часах жизни Есенина.

Утром 28 декабря Устинова пришла к дверям номера Есенина и постучалась. Тот не ответил. Зная, что поэт никуда уходить не собирался, она постучала настойчивей. Ответа не последовало. Через некоторое время подошел Эрлих, стали стучать вдвоем. В номере - тишина. Почувствовав недоброе, Устинова попросила управляющего гостиницей Назарова открыть дверь. (Василий Михайлович Назаров, 29 лет, являлся сотрудником ЧК, а потом ГПУ).

Тот, изрядно повозившись, открыл замок. В номер не вошел. С точки зрения логики, поведение Назарова по меньшей мере странное. Он открывает номер посторонним лицам и уходит. А как же они закроют дверь, если постояльца в нем нет? Пятый номер относился к высшему разряду, в нем находились не только дорогостоящие вещи, но и проживали состоятельные люди. А вдруг у Есенина что-то пропало?

Войдя в номер, Устинова и Эрлих увидели мертвого Есенина. Устинова побежала к Назарову. Тот позвонил в милицию.

Следует отметить, что в то время в милиции служили сыщики по уголовным делам еще царских времен. Они имели университетское образование и отличную практику, они раскрывали самые запутанные преступления. В это время проходил XIV съезд партии. В милиции и прокуратуре была повышенная готовность. Лучшие следователи и оперативники были наготове. Казалось, на место происшествия гибели великого русского поэта будет направлен опытный следователь и с участием судебно-медицинского эксперта произведет необходимые следственные действия. Гостиница была рядом с милицией, прокуратурой, ГПУ. Однако на место происшествия послали участкового надзирателя 2-го отделения милиции Николая Горбова, который и провел все «расследование». В частности, он составил акт, послуживший впоследствии основанием для утверждения, что Есенин покончил жизнь самоубийством. Привожу этот акт с сохранением стиля и знаков препинания.

АКТ

28 декабря 1925 года составлен настоящий акт мною уч. надзирателем 2-го от. Л. Г. М. Н. Горбовым в присутствии управляющего гостиницей Интернационал тов. Назарова и понятых. Согласно телефонного сообщения управляющего гостиницей гражд. Назарова В. Мих. о повесившемся гражданине в номере гостиницы. Прибыв на место мною был обнаружен висевший на трубе центрального отопления, мужчина в следующем виде, шея затянута была не мертвой петлей, а только правой стороны шеи, лицо обращено к трубе, и кистью правой руки захватила за трубу, труп висел под самым потолком и ноги были около 1 1/2 метров, около места где был обнаружен повесившейся лежала опрокинутая тумба, и канделябр стоящий на ней лежал на полу. При снятии трупа с веревки и при осмотре было обнаружено на правой руке выше локтя с ладонной стороны порез на левой руке, на кисти царапины, под левым глазом синяк, одет в серые брюки, ночную рубашку, черные носки и черные лакированные туфли. По предъявленным документам, повесившимся оказался Есенин Сергей Александрович, писатель, приехавший из Москвы 24 декабря 1925 года.

Ниже этого текста в акт дописано: «Удостоверение за № 42- 8516 и доверенность на получение 640 рублей на имя Эрлиха».

В качестве понятых расписались поэт Всеволод Рождественский, критик П. Медведев, литератор М. Фроман. Ниже имеется подпись Эрлиха. Она, видимо, им сделана после того, как он предъявил доверенность от имени Есенина участковому надзирателю. Листок бумаги, на котором было написано стихотворение «До свиданья, друг мой, до свиданья...», считающееся его, Есенина, предсмертным стихотворением, Эрлих не предъявил.

Можно ли из указанного акта заключить о самоубийстве поэта? Категорически нет. Документ составлен на крайне низком профессиональном уровне. Участковый надзиратель фактически не осмотрел место происшествия, не зафиксировал наличие крови на полу, письменном столе, стенах, не выяснил, чем была разрезана у трупа правая рука, откуда была взята веревка для повешения, не описал состояние замков в двери, запоров на окнах. Работник милиции не отметил состояние вещей, наличие денег, документов, не приобщил к делу вещественные доказательства (веревку, бритву, другие предметы). Горбов не указал состояние одежды на трупе. Приступая к осмотру, надзиратель обязан был обеспечить понятых, которые должны были подтвердить правильность записей в протоколе. Фамилии понятых не записаны в текст акта, что говорит о том, что осмотр Горбов производил в одиночестве, а потом дал подписать случайно подвернувшимся лицам.

Этот акт не имеет отметок о времени его составления, о начале осмотра места происшествия.

О необходимости тщательного осмотра места происшествия с обязательным участием судебно-медицинского эксперта говорила сама обстановка в номере. Лицо мертвого Есенина было изуродовано, обожжено, под левым глазом имелся синяк. Под правой бровью примерно с копеечную монету имелось повреждение, похожее на проникающее ранение в мозг. Порез вены и мышцы на правой руке не имел обширного кровотечения. Не случайно было убеждение, что Есенина убили. Именно поэтому в гостиницу выезжал агент уголовного розыска 1-й бригады Ф. Иванов. Эта бригада занималась расследованием уголовных дел о тяжчайших преступлениях против личности. Однако чем занимался в номере Ф. Иванов, неизвестно.

Мне представляется, что Ф. Иванов записал текст протокола опроса В. Эрлиха, подозревая его в причастности к гибели поэта, хотя подпись должностного лица, якобы проводившего допрос, - Н. Горбов.

Из документов Н. Горбова не видно, что в осмотре трупа участвовал судмедэксперт. В то же время из газетных публикаций мы узнаем, что в номере был врач, который и назвал время наступления смерти Есенина. Одни утверждали, что этот врач назвал 5-6 часов, другие - 6-7 часов с момента снятия трупа из петли. Это заявление неизвестного «врача», не оставившего о себе никаких сведений, принято всеми считать за истину. На основании вывода этого мифического человека все исследователи биографии и творчества поэта утверждают, что он погиб около пяти часов утра.

Как относиться к акту, составленному Н. Горбовым? Можно ли доверять тому, что в нем записано? (Горбов Николай Михайлович, 40 лет, уроженец Петербурга, принят в милицию 22 июля 1925 года на должность рядового милиционера. Приказа о назначении его на должность участкового надзирателя не обнаружено. 15 июня 1929 года он был арестован и пропал бесследно.) Нужно помнить, что указанные в качестве понятых не могли видеть висящий труп поэта.

Поэт Вс. Рождественский писал, что гибель Есенина для него была полной неожиданностью. В то утро в городе было холодно, он пришел в Союз поэтов и был свидетелем, как П. Медведев поднял трубку телефона, как исказилось его лицо при страшном известии. Кто звонил в Союз поэтов, неизвестно. Рождественский и Медведев прибежали в гостиницу одними из первых.

«Прямо против порога, несколько наискосок, лежало на ковре судорожно вытянутое тело. Правая рука была слегка поднята и окостенела в непривычном изгибе. Распухшее лицо было страшным - в нем ничто уже не напоминало прежнего Сергея. Только знакомая легкая желтизна волос по-прежнему косо закрывала лоб. Одет он был в

модные, недавно разглаженные брюки. Щегольской пиджак висел тут же, на спинке стула. И мне особенно бросились в глаза узкие, раздвинутые углом носки лакированных ботинок. На маленьком плюшевом диване, за круглым столиком с графином воды, сидел милиционер в туго подпоясанной шинели, вода огрызком карандаша по бумаге, писал протокол. (Я тщательно проверил каждую деталь, отмеченную Вс. Рождественским. Все точно.) Он словно обрадовался нашему прибытию и тотчас же заставил нас подписаться как свидетелей. В этом сухом документе все было сказано кратко и точно, и от этого бессмысленный факт самоубийства показался еще более нелепым и страшным» (Вс. Рождественский).

Таким образом, подписавшие акт Рождественский, Медведев и Фроман увидели труп не в петле, а уже на полу. Вс. Рождественский был прав, указав на краткость протокола (акта), но что в нем все сказано точно, утверждать не мог. Он же сам писал, что увидел покойного на полу. А между тем подписал протокол (акт), в котором подтвердил, что труп поэта висел на трубе под самым потолком, в полутора метрах от пола. Своей подписью подтвердил, что веревка не имела затяжной петли, а была намотана на шее, что труп висел лицом к трубе, хотя этого не видел.

Кто-то из современников выдвинул предположение, что лицо мертвого Есенина было обожжено трубой отопления. Вряд ли можно обжечь лицо трупа трубой отопления. В. Эрлих писал, что вечером поэт сидел за столом в меховом пальто. Утром милиционер не снимал шинель, может потому, что в номере было холодно, потому что в «Англетере» всегда плохо работало отопление.

Рождественский И.Медведев подписали акт, где было указано, что ноги погибшего находились примерно на высоте полутора метров от пола. Неужели у них не мелькнула мысль, а как самоубийца смог завязать веревку? Он должен был встать ногами на предмет высотой не ниже полутора метров. Таких предметов у трубы отопления рядом не было. Со стола, находившегося примерно в полутора метрах, даже поставив на него стул, не дотянуться.

Теперь можно утверждать, что уголовное дело по факту трагической гибели Есенина не возбуждалось, никакого расследования не проводилось. Все «расследование» свелось к тому, что Н. Горбов роздал четыре бланка протоколов опроса Г. Устинову, Е. Устиновой, В. Назарову и В. Эрлиху. Первые собственноручно написали то, что посчитали нужным, а протокол В.Эрлиха, по моим предположениям, заполнил агент уголовного розыска Ф. Иванов. (Иванов Федор Иванович злоупотреблял алкоголем, вскоре был из милиции уволен, потом восстановлен вновь, затем арестован и погиб в тюрьме.)

Все «расследование» продолжалось два-три часа, потому что уже в 16 часов труп был доставлен на чухонских санях в морг Обуховской больницы. Самым серьезным нарушением Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в этом деле явилось то, что при осмотре трупа не участвовал судмедэксперт. Н. Горбов не устранил противоречий в объяснениях опрошенных лиц, не допросил журналиста Ушакова, видевшего поэта одним из последних, и портье, якобы к которому выходил Есенин с требованием к нему никого не пускать, и то лицо, которое заявило, что поэт поздно вечером пил у себя в номере чай. Кто мог быть этим человеком, знавшим, что Есенин в своем номере пил чай? Работники гостиницы? Женщина? Если эти люди и давали показания, то протоколы или исчезли, или это были подставные лжесвидетели.

Удалось найти воспоминания современников о том, что поэт Лазарь Берман говорил им, что видел поздно вечером перед гибелью Есенина пьяным. Это обстоятельство нам необходимо запомнить.

Если протокол опроса В. Эрлиха записывал Ф. Иванов, то он как опытный сотрудник уголовного розыска его выбрал не случайно: слишком неубедительно тот объяснял свое поведение вечером 27 декабря. Мы знаем, что Есенин просил Эрлиха остаться ночевать, боясь убийства. Первую ночь Эрлих ночевал. Есть основания считать, что Эрлих ночевал и вторую ночь в номере Есенина. В своих воспоминаниях Эрлих назвал причину, по которой он не оставался ночевать у поэта в последнюю ночь: с утра он шел на прием к врачу и получать деньги по доверенности.

К врачу он утром не ходил. Сразу же от гостиницы он направился в компанию ленинградских поэтов и с ними провел большую часть ночи, а затем там остался ночевать. Больше того, этим поэтам он не сказал, что в Ленинград приехал Есенин! По моему твердому убеждению, Эрлих обеспечивал себе алиби в гибели Есенина, поскольку, по утверждению «врача», смерть его наступила в пять часов утра.

Эрлих писал, что перед уходом от Есенина он собрал «все ножички» от бритвы, чтобы тот не повторил опыта написания стихов кровью. Это утверждение противоречит информации газет, которые отметили на столе окровавленное лезвие бритвы. Не сказал Эрлих работнику милиции и об опасениях Есенина за свою жизнь.

Ранее я указывал, что Эрлих выдал милиционеру доверенность на право получения 640 рублей. Только благодаря преданности памяти мужа Софье Андреевне Толстой удалось сохранить важнейшие документы, позволяющие сейчас раскрывать тайну гибели Есенина. Незадолго до смерти она передала их в Институт мировой литературы имени Горького.

Текст этой доверенности написан не Есениным. Подпись от его имени также вызывает сомнение в ее подлинности. Этот документ имеет утверждение Союза поэтов. На нем имеется оттиск печати и подпись М. Фромана. Однако это не подтверждает, что ее выдал Эрлиху Есенин. Я предполагаю, что текст доверенности выполнен рукой В. Эрлиха.

В начале своих исследований я не придавал особого значения этой доверенности. В конце концов, Эрлих мог написать текст, а Есенин подписать так небрежно, как не расписывался ранее. Но это не так. Работая в архивах (ЦГАЛИ), мне удалось обнаружить важный документ, проясняющий многое. После гибели поэта, пока родные и жена С. Толстая горевали, первая жена поэта З. Райх 22 апреля 1926 года незаконно получила оставшиеся от Есенина личные вещи и рукописи. Среди вещей и документов, полученных З. Райх от судебного исполнителя, указана доверенность. Да, так и написано, что в черном кожаном чемодане оказались написанные рукой Есенина обрывки доверенности на имя гражданина Эрлиха! (фонд 190, опись 2, ед. хр. 30)

Следовательно, было две доверенности. Есенин или кто-то другой разорвал доверенность на имя Эрлиха, а потом появилась другая, но уже не написанная Есениным. Что произошло у Есенина с Эрлихом 27 декабря, почему поэт разорвал доверенность, дававшую право получить крупную по тем временам сумму денег?

Скрывая от работников милиции автограф стихотворения «До свиданья, друг мой, до свиданья», Эрлих представил дело так, что его Есенин посвятил ему. Это неправда. Для Есенина Эрлих был мальчиком на побегушках, евшим и пившим за его счет. Эрлих прилип к Есенину, постоянно писал письма ему Бениславской и Толстой, где постоянно подчеркивал свою преданность. Поэт был достаточно горд, чтобы писать кровью стихотворение посредственному человеку. Если стихотворение написано кровью Есенина, то оно посвящено Софье Толстой или Галине Бениславской, которая болезненно переживала разрыв с ним и была на грани умопомешательства. (О том, что Эрлих был секретным сотрудником ГПУ, мы узнали только сейчас, да и то благодаря гласности). 2 февраля 1930 года В. И. Эрлих передал автограф стихотворения в Институт русской литературы Г. В. Горбачеву.

Читатель вправе спросить, почему криминалист, полковник милиции пишет иногда предположительно, а не утверждает. Дело в том, что за прошедшие десятилетия документы не подвергались криминалистическому исследованию специалистов. Я-то вижу, что доверенность на имя Эрлиха написана не рукой Есенина, но для утверждения нужно заключение эксперта-почерковеда. Без заключения эксперта-биолога нельзя утверждать, что стихотворение написано кровью. Английская исследовательница биографии Есенина Джесси Дэвис держала этот автограф в руках и «еще тогда подумала, было ли оно действительно написано кровью... Буквы были не красные, а черные. Как мне сказали, они были обработаны химикалиями для сохранности».

В своей книге «Право на песнь» В. Эрлих написал загадочные слова: «Я хочу, чтобы он простил мне то, что я продолжаю подавать руку при встречах по крайней мере двоим из его друзей-поэтов. Это значит, что во мне недостаточно чувства его и своей чести. И наконец, пусть он простит мне наибольшую мою вину перед ним, ту, которую он знал, а я – знаю». Почему просил прощения В. Эрлих у Есенина - теперь становится

ясным. Возможно, его подлинная роль в расправе над поэтом прояснится, когда откроются архивы бывшего НКВД. (Сам Эрлих был позже расстрелян как враг народа.)

Проводя «расследование», Н. Горбов на месте происшествия не выяснил, при каких обстоятельствах у Есенина появился синяк под глазом. Видевшие поэта вечером Эрлих, Устиновы, Ушаков должны были сказать, что у поэта вечером его не было. Он не выяснил, почему в беспорядке в номере были разбросаны вещи, рукописи, принадлежало ли окровавленное лезвие бритве Есенина и многое другое. Участковый надзиратель не указал, имелись ли в номере пустые бутылки из-под спиртных напитков, окурки.

Остался невыясненным и другой очень важный факт. Как отмечено в акте, правой рукой мертвый Есенин держался за трубу. Живой поэт мог держаться за трубу, но когда наступает смерть, мышцы ослабевают, руки должны быть опущены вдоль туловища. Почему правая рука была поднята вверх? А не могло быть, что трупное окоченение наступило в другой позе, а потом труп повесили?

Не выяснено, чем у Есенина была разрезана правая рука. Журналисты предположили, что Есенин сначала вскрыл вены, но у него не хватило мужества умереть от кровопотери, и он повесился. По логике сначала были вскрыты вены, а потом он повесился. Наоборот не могло быть. Разрезав вену и подождя некоторое время, Есенин должен был искать веревку. Потом с ней залезать высоко и привязывать к трубе над головой. Привязать веревку к трубе одной левой рукой он бы не смог. Ему обязательно пришлось бы поднимать и правую разрезанную руку. Следовательно, кровь из разрезанной вены должна была заливать ему голову, лицо, плечи, руки, трубу, веревку, стену. В номере должны быть лужи крови. Однако о большом количестве крови никто не написал, не видно ее и на фотографиях.

Из-за отсутствия подробного описания места происшествия и плана номера гостиницы теперь приходится восстанавливать обстановку в номере по публикациям газет, воспоминаниям современников, фотографиям. «Новая вечерняя газета» писала, что поэт в петле висел с «восковым лицом». Другие также указывали на бледный цвет лица. Мне приходилось видеть сотни висельников, но ни разу не видел трупа с таким цветом лица. Оно, как правило, имело багрово-синюшный цвет, с признаками, прямо свидетельствующими о наступлении смерти от асфиксии. Ни на рисунке художника В. С. Сварога, ни на посмертных фотографиях этих признаков (высунутый язык и т. п.) не видно.

Что же произошло в пятом номере гостиницы «Англетер»? В своих воспоминаниях Г. Устинов писал: «Говорят, что вскрытием установлена его мгновенная смерть от разрыва позвонков». Сам Устинов пришел в номер сразу же по обнаружении трупа поэта и был в курсе всех разговоров и делах, связанных с гибелью Есенина, и можно утверждать, что эти слова он слышал от судмедэксперта. В монографии Е. Наумова также написано: «Есенин умер не от удушья, а от разрыва шейных позвонков». Между тем разрыв шейных позвонков у человека может произойти от нанесенной травмы, неосторожного падения и т. п. и совсем не обязательно от повешения.

В «Памятке о Сергее Есенине», напечатанной сразу же после гибели поэта, ни слова не говорится о наступлении смерти от разрыва шейных позвонков: «...В. углу на трубе парового отопления, на веревке от чемодана висел Сергей Есенин. На левой руке было несколько царапин, а на правой, выше локтя - глубокий порез, сделанный ножом от бритвы. Очевидно, Есенин пытался перерезать сухожилие... установлено, что Есенин умер от удушья, причем потеря крови вследствие надразов на венах могла, в свою очередь, способствовать обморочному состоянию. Кровавые натёки на ногах свидетельствуют о том, что Есенин долго висел в петле. Вскрытием также установлено, что никаких аномальностей в мозгу Есенина не было. По заключению экспертов труп Есенина, провисел около 6-7 часов».

Автор «Памятки» несомненно списывал часть текста с акта вскрытия тела поэта. Только откуда он взял время 6-7 часов? Там это время не указано. И почему утверждается, что экспертов было несколько? Нам известен только один патологоанатом, чьей фамилией подписан акт вскрытия тела - Гиляревский Александр Григорьевич.

Этот документ сохранился до наших дней благодаря С. Толстой. И хотя акт частично испорчен, от него оторвана часть текста, для нас он представляет большую

ценность. Его нельзя считать судебно-медицинским заключением, хотя Гиляровский подписал его как судмедэксперт, поскольку конкретных вопросов перед ним работники милиции не ставили, об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения не предупреждали, при вскрытии тела не присутствовали.

(А. Г. Гиляревский, 1870-года рождения, окончил в Петербурге Военно-медицинскую академию. После Октябрьского переворота подвергался репрессиям. Его судьба автору неизвестна. Его жена в 1929 году выслана и погибла в застенках ГПУ.)

Не беря на себя ответственности судить о качестве выводов Гиляревского, а он написал, что смерть Есенина наступила от удушья, хочется высказать сомнение в объективности его выводов. И этот вывод я делаю на основании документальных данных. В материалах дознания по факту гибели Есенина имеется любопытный документ, мало что говорящий постороннему лицу, но многое проясняющий практическому работнику правоохранительных органов:

«Суд. мед. эксперту Гиляревскому А. Г. При сем препровождается копия телефонограммы за № 374 по делу самоубийства гр. Есенина Сергея для приобщения к делу. Приложение: упомянутое.

Начальник 2-го отд. ЛГМ Хохлов Завстолом дознания Вергей.»

На этом документе, отпечатанном на пишущей машинке, имеется карандашная надпись: <4п5СТУПК.>, которую следует расшифровать так: пункт 5 статьи 4 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР. По этой статье в то время прекращались уголовные дела за отсутствием состава преступления, а по материалам (таким, как по Есенину) отказывалось в возбуждении и расследовании уголовного дела. Нет сомнений, что работники милиции в завуалированной форме информировали А. Г. Гиляревского, что, по их убеждению, привлекать к уголовной ответственности за гибель поэта никого не будут и ему следует это иметь при составлении акта в виду.

Представляется, что было составлено два акта. Мною найдена в архивах выписка о смерти С. А. Есенина, выданная 29 декабря 1925 года в столе загсов Московско-Нарвского совета. (Эти сведения подтверждены руководством архива загсов г. Ленинграда.) В ней указаны документы, послужившие основанием для выдачи свидетельства о смерти. В графе «причина смерти» указано - самоубийство, повешение», а в графе «фамилия врача» записано – «врач судмедэксперт Гиляревский № 1017». Следовательно, 29 декабря в загс для получения свидетельства о смерти было представлено медицинское заключение судмедэксперта Гиляревского под номером 1017, а не то, без номера и других реквизитов, на основании которого было принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела.

Из архивных данных я установил, что получал в загсе свидетельство о смерти С. А. Есенина... Вольф Эрлих. Но кто представлял в загс заключение № 1017- остается неизвестным. Если бы удалось разыскать это заключение, многое в смерти поэта прояснилось немедленно. Руководство загсов г. Ленинграда ответило, что этого документа у них нет. («Медицинская справка, на основании которой составлена запись о смерти, к актовой записи не прилагалась»).

Для читателя, мало информированного в тонкостях уголовно-процессуального производства, нужно пояснить, что вывод о том, что случилось с Есениным, обязаны были сделать дознаватель, следователь, прокурор или суд. Они по закону обязаны вынести аргументированное постановление, в котором привести доказательства, подтверждающие самоубийство или убийство. Ни врач, ни судмедэксперт сделать этого не вправе. Кстати, А. Г. Гиляревский также не констатировал самоубийство. Он написал, что «смерть Есенина последовала от асфикции, произведенной сдавливанием дыхательных путей через повешение».

У трупа Есенина имелась странгуляционная борозда только на половине шеи. Подобная борозда образуется, если преступник веревкой душит сзади свою жертву.

Гиляревский также отметил, что «темно-фиолетовый цвет нижних конечностей, точечные на коже кровоподтеки указывают на то, что покойный в повешенном состоянии находился продолжительное время». Какое же время находилось в вертикальном положении тело Есенина? Ряд судмедэкспертов полагают, что поэт находился в петле около суток. Гиляревский отметил в акте, что «петли кишок красного цвета». Современные судмедэксперты считают, что это трупные пятна, и это доказательство еще

раз подтверждает нахождение тела поэта более 12 часов. И еще одно очень важное доказательство, подтверждающее объективно наступление смерти 27 декабря. Судмедэксперт отметил наличие в желудке покойного около 300 кубических сантиметров пищевой смеси, издающей нерезкий запах вина. Мы знаем, что Есенин последний раз употреблял пищу не позднее 6 часов вечера. Пища была легко сваримая. Наличие пищевой смеси в желудке свидетельствует, что смерть поэта наступила не позже 8 часов вечера.

Теперь мы располагаем и свидетельскими показаниями о дате смерти Есенина. Установлена жена управляющего гостиницей В. М. Назарова - ныне здравствующая А. Л. Назарова, которая рассказала, что ее муж, чекист, работал в гостинице «Англетер» и всегда домой возвращался поздно. 27 декабря он пришел домой и лег спать. Неожиданно ему по телефону предложили немедленно приехать на службу. Возвратился он очень поздно и рассказал жене о самоубийстве в его гостинице поэта Есенина. На следующий день она даже ходила смотреть, как труп поэта выносили из номера.

Оценивая имеющиеся объективные данные, я прихожу к твердому убеждению, что смерть Есенина наступила 27 декабря 1925 года с 20 часов 30 минут до 23 часов.

Кто же установил самоубийство Есенина? Первыми это сделали газетчики и провокаторы. Газеты два дня молчали о трагической гибели поэта, в то время как весь Ленинград говорил об этом. Потом, не имея решения работников милиции и заключения судмедэксперта, потоком пошли статьи о самоубийстве Есенина. Началось состязание в подыскании оскорбительных эпитетов в адрес погибшего поэта. С легкой руки Луначарского, Бухарина, Сосновского, Волина, Авербаха, Крученых и других С. А. Есенину были приписаны наркомания, алкоголизм, развратные действия, злостное хулиганство.» Объясняя причину гибели поэта, его враги пошли по проверенному пути клеветы и стали искать ее истоки в его собственных стихах. Житейская биография была перечеркнута и заменена литературной, как известно, не всегда достоверной. Строки о смерти в его стихах были превращены в свидетельские показания против самого Есенина.

Нашлись и лица, распространявшие явную ложь. Например, некий Лазарь Берман рассказывал поэтам, что видел поздно вечером Есенина пьяным, бесцельно шатающимся по гостинице. Был пущен слух, что поэт являлся английским шпионом и покончил жизнь самоубийством из-за боязни быть разоблаченным.

В отличие от газетчиков и провокаторов, работники 2-го отделения милиции Ленинграда вели себя более выжидательно и расчетливо. Они не принимали решения по делу Есенина до 20 января 1926 года, хотя никаких следственных действий не проводили. Они ждали реакции общества, литераторов, друзей, родных. У гроба поэта прошли десятки тысяч людей, все видели изуродованное лицо мертвого Есенина, но никто не потребовал проведения честного расследования дела. Побоялись защитить имя выдающегося поэта даже друзья, прошедшие империалистическую и гражданскую войны, даже родные. Болтуну и паникеру, распространяющему клевету на власти, чекисты могли вырвать не только язык.

Промолчала даже белая эмиграция. У владельцев газет для Есенина – «антисемита» была заготовлена только черная краска. Подозревать власти в расправе над поэтом и небезопасно. Руки Лубянки доставали любого в любом уголке земного шара.

20 января за столом дознания, бывший приказчик Вергей, написал заключение по факту трагической гибели поэта. Часть текста этого заключения переписана из акта участкового надзирателя Н. Горбова, а вторая часть из упомянутого акта судмедэксперта А. Г. Гиляревского. Никаких доказательств, подтверждающих самоубийство, приведено не было. Несомненно, Вергей затратил немало сил. Ему следовало уйти от слова «самоубийство», поскольку в этом случае он обязан был назвать причину, побудившую поэта наложить на себя руки, и, одновременно, не увидеть в гибели Есенина состава преступления. Вот как вышли из нелегкого положения Вергей и его начальник Хохлов:

«На основании изложенного не усматривая в причинах смерти гр. Есенина состава преступления полагал бы: материал дознания в порядке п. 5 ст. 4. УПК направить на следователю 2-го отд. гор. Ленинграда - на прекращение за отсутствием состава преступления. < > января 1926 года.

Завстолом дознания Вергей. Согласен: нач. 2-го отд. ЛГМ (Хохлов)». Следователь Бродский, так же не проведя никаких следственных действий, согласился с постановлением Вергея и Хохлова.

А тем временем газеты продолжали чернить имя и творчество поэта. Появились гневные предложения отдельных политиков вычеркнуть имя Есенина из русской литературы, запретить печатать и читать его стихи, мешающие революционному народу стройными рядами двигаться к лучезарному будущему. Еще бы, одни названия его сочинений чего стоили – «Страна негодяев», «Москва кабацкая», «Исповедь хулигана» и другие. Поэзию Есенина приказано было забыть. Время требовало другой литературы, бодрой и оптимистичной.

И никто не обратил внимания на гневные слова Бориса Лавренева в адрес тех, кто все сделал, чтобы так трагически закончилась жизнь поэта: «...И мой нравственный долг предписывает мне сказать раз в жизни обнаженную правду и назвать палачей и убийц - палачами и убийцами, черная кровь которых не смоем кровавого пятна на рубашке замученного поэта». Но и Лавренев не решился назвать палачей Есенина.

Что же произошло в пятом номере гостиницы «Англетер»? Убийство или самоубийство? Ряд современников, признавая самоубийство, писали о попытках Есенина и раньше покончить жизнь самоубийством. В этой связи уместно процитировать слова приятеля поэта писателя Матвея Ройзмана: «...Однако я хочу предостеречь читателя от тех мемуаристов, которые пишут, что Есенин неоднократно покушался на самоубийство. Если бы так было, про это, безусловно, знали бы сестры Есенина Катя и Шура, Гала Бениславская, Вася Наседкин. Это было бы известно мне и другим». Автору этих строк также не удалось установить ни одного подобного факта. Собирая материал для настоящего очерка, знакомясь со множеством публикаций о Есенине, я обнаружил одну печальную закономерность: во всех напечатанных в нашей прессе посмертных фотографиях поэта отсутствуют на его лице следы прижизненных травм. Печатались только такие, где эти следы можно было заретушировать. И еще. На место происшествия был вызван не судебный фотограф, а портретист Напельбаум. На месте происшествия был художник Сварог, который сделал моментальный рисунок тела поэта на полу гостиничного номера. На рисунке отчетливо видно, что Есенин подвергнулся насилию, его одежда в беспорядке висела на частях тела. Перед фотографированием одежду привели в порядок.

Так что же произошло в гостинице «Англетер» вечером 27 декабря 1925 года? Почему жена поэта С. Толстая даже спустя полмесяца после гибели мужа боялась жить в Москве в своей квартире, скрываясь у надежных друзей? Почему за прошедшие шестьдесят с лишним лет официальные власти не высказали своего отношения к трагической судьбе и гибели Есенина, публично не покаялись в расправе над ним?

На эти и другие вопросы ответ можно будет дать, когда для исследователей откроются архивы ЦК КПСС и КГБ СССР, где, несомненно, имеются тысячи документов, проливающих свет на заговор против Есенина. И это необходимо сделать, чтобы поэты в России не погибали совсем молодыми, и назвать палачей Есенина пофамильно.

Друг Есенина И. Касаткин, после его гибели писал И. Вольнову, видевшему поэта и разговаривавшего с ним 23 декабря в Москве перед роковой поездкой в Ленинград: «Если не скоро приедешь сюда, прошу тебя, дружок, напиши подробнее, что и что он говорил в тот день на Софийке? Постарайся, не поленись изложить приблизительно его высказывания и обрисуй состояние. У меня сотни догадок о его конце. И ничего ясного. Тьма!»

Сейчас тьма медленно рассеивается. И многое становится ясным. Десятки лет скрывали люди правду о трагической гибели Есенина.

В 1927 году художник Сварог рассказал свои впечатления о происшедшем в номере гостиницы:

«Мне кажется, этот Эрлих что-то ему подсыпал на ночь, ну... может быть, и не яд, но сильное снотворное. Не зря же он «забыл» свой портфель в номере Есенина. И домой он «спать» не ходил - с запиской Есенина в кармане. Он крутился не зря все время неподалеку, наверное, вся их компания сидела и выжидала свой час в соседних номерах. Обстановка была нервная, в Москве шел съезд, в «Англетере» всю ночь ходили люди в кожанках. Есенина спешили убраться, поэтому все было так неуклюже и осталось много

следов. Перепуганный дворник, который нес дрова и не вошел в номер, услышал, что происходит, кинулся звонить коменданту Назарову... А где теперь этот дворник?

- Сначала была «удавка» - правой рукой Есенин пытался ослабить ее, так рука и заоченела в судороге. Голова была на подлокотнике дивана, когда Есенина ударили выше переносицы рукояткой нагана. Потом его закатали в ковер и хотели спустить с балкона, за углом ждала машина. Легче было похитить. Но балконная дверь не открывалась достаточно широко, оставили труп у балкона, на холоде. Пили, курили, вся эта грязь осталась... Почему я думаю, что закатали в ковер? Когда рисовал, заметил множество мельчайших соринки на брюках и несколько в волосах... пытались выпрямить руку и полоснули бритвой «Жилет» по сухожилию правой руки, эти порезы были видны... Сняли пиджак, помятый и порезанный, сунули ценные вещи в карманы и все потом унесли... Очень спешили... «Вешали» второпях, уже глубокой ночью, и это было непросто на вертикальной стойке. Когда разбежались, остался Эрлих, чтобы что-то проверить и подготовить для версии о самоубийстве... Он же и положил на стол, на видное место, это стихотворение: «До свиданья, друг мой, до свиданья»... Очень странное стихотворение...» («Вечерний Ленинград, 28.12.90 г.)

Автор настоящей статьи придерживается примерно такой же версии. Действительно, из номера гостиницы пропал пиджак поэта, а после осмотра места происшествия и черные лакированные туфли. Туфли кто-то снял с мертвого тела.

После первой публикации с сомнением о самоубийстве Есенина на меня обрушился шквал оскорблений, упреков в погоне за сенсацией, подтасовке материалов. Когда же появились дополнительные доказательства в насильственной смерти поэта. Союз писателей СССР образовал даже комиссию по расследованию причин его гибели.

Для исследователя нет выше оценки получать письма со словами благодарности за нелегкий труд:

«27 декабря 1990 года впервые у нас в Ленинграде в Спасо-Преображенском соборе состоялась панихида по Сергею Есенину. Трудно передать мое состояние, когда услышала слова священника, поминавшего убиенного Сергия... Да сохранит, спасет вас и поможет вам Господь!»

Служили литургию по безвинно убиенному Сергею Есенину на год раньше в Москве.

Ни у одного поэта России такого крупного масштаба не было более трагичной судьбы, ни к одному так жестоко не относились власти, как к Есенину. Государство, заработавшее на издании его сочинений миллионы, мало что сделало, чтобы восстановить доброе имя верного сына своей Родины. В Москве нет ни музея, ни памятника поэту.

За несколько часов до гибели С. А. Есенин пел свою любимую в последнее время песню:

*Что-то солнышко не греет,
Над головушкой туман.
То ли пуля в сердце метит,
То ли близок трибунал.
Ах, доля-неволя,
Глухая тюрьма,
Долина, осина,
Могила темна.*

Десять уголовных дел, имевшихся в милиции и ГПУ на Есенина, были прекращены, а арест отменен только после сообщения в газетах о его гибели - 30 декабря 1925 года.

Наш долг окончательно снять завесу с тайны гибели Есенина и смыть черную краску, толстым слоем наляпанную на честь и достоинство русского национального поэта. Время неумолимо. Сумасшедшая эпоха выдвигает все новые и новые ценности и тут же их отбрасывает. Остается только подлинно ценное. Среди таких подлинных ценностей - поэзия Сергея Есенина.

В нашей памяти он навсегда останется молодым, красивым - и непокорным, так рано положившим голову на плаху. Да святится имя его!

Эдуард Александрович Хлысталов